

Письмо 6. Страна веселых добрых крокодилов

*Прилетит вдруг волшебник
В голубом вертолете
И бесплатно покажет кино,
С днем рожденья поздравит,
И неверно оставит
Нам в подарок пятьсот эскимо.
Песенка крокодила Гены*

Я ненавижу свое детство. Это противоестественно; люди так любят тот беззаботный период своей жизни, когда "белая ложь", «ложь во спасение» заботливо оберегает их психику от всех взрослых проблем, которые рано или поздно все равно приходят вместе с травмой, ломающей детские мечты.

Но мое детство пришлось на самый ужасный период российской истории. 30-50-е годы: сталинский террор и аресты, пропаганда любви к тирану «за наше счастливое детство», пропаганда стукачества с Павликом Морозовым, заложившим своего отца, официальная любовь к родине за «железным занавесом», разгул антисемитизма, II мировая война. Повезло, что родителей не арестовали, что отец не попал на фронт (ему было 47 в 1941) и не погиб, что не пережили и не погибли в Холокост, что во время эвакуации в Сибирь не пришлось голодать, что вернулись в Москву и с большим трудом отбили свою комнату в коммуналке. А я даже не представлял себе, что могло быть намного хуже.

Помню обыск в нашей комнате; мне было лет 9-10, и я, дурак, показал следователю, где у нас спрятаны деньги. Родители потом побоялись даже упрекнуть меня. Мы жили не только в коммунальной квартире, но в коммунальной стране. Опасности подстерегали за каждым углом. Как меня Бог уберег, до сих пор не представляю. Однажды, уже в комсомольском возрасте, в 8-м классе, 21 декабря - в день рождения Сталина, мы, группа несмышленишей, отправилась вместо урока истории в кино, обосновывая свой культпоход праздником. Историчка - секретарь парторганизации школы - раздула это дело, как диссидентское выступление. Начали допрашивать по одному. Нас спас отец моего товарища Миши, известный профессор-медик, уговорив педагогов. Если бы не он, мы бы запросто могли отправиться в ГУЛАГ лет на 10. Там как раз уже сидело множество подобных идиотов, год был 1948.

Мне повезло только после 23-х. Я вдруг с большим изумлением узнал, как это отвратительно - коммунальная квартира с 2-3 десятками жильцов и одним туалетом, с одной - двумя - тремя семьями в одной комнате, где нет своего угла, и негде укрыться в этом перенаселенном мире, даже в туалете, потому что и туда есть очередь.

Из того детства люди выбирались с изломанной психикой, твердо усвоенными принципами нищей справедливости, где невеликие блага получают в порядке живой очереди, где вся информация дозирована и проверена, где нет интимного места для свидания, нормального секса, и жизнь регламентирована на дни, недели, годы. Как выяснилось, отступления от регламента были строго наказуемы: например, если ты выпадал на любой ступени из лесенки: октябренок-пионер-

комсомолец-коммунист, в образовании, карьере, получении различных благ наступал сбой, как будто ты потерял очередь, и надо снова становиться крайним.

«На миру и смерть красна» - говорили в России - так жили все вокруг, и никто не имел ни машины, ни телевизора, ни компьютера с Интернетом; «радио» называлась однопрограммная черная тарелка, книги надо было «доставать» из строго ограниченного списка, в основном, по школьной программе. Почему-то считалось обязательным, необходимым для прививки любви к народу, изучать тупые дурацкие русские сказки и былины. Они входили в школьную программу, и чтобы добраться до стоящей литературы, хотя бы сказок Пушкина или «1001 ночи», нужно было прочитать кучу макулатуры. То же касалось и всей другой литературы: до Достоевского было добраться не просто - он был под полугласным запретом, когда я изучал 19-й век.

Я помню грязные дворы коммунальных квартир с дровяными сараями, куда страшно было выходить. Меня все детство преследовали и били мальчишки, сначала как «эвакуированного» (во время войны), потом как новенького, как слабого, потом как еврея.

Я попал в дурацкий послевоенный период разнополого раздельного обучения в школах. Это тоже надолго искривило психику не только детей, но и родителей. Однажды, мне было лет 14-15, я позвонил одной девчонке, чтобы сообщить о смене расписания в драмкружке. Мамаша начала допытываться, кто я такой, и в конце концов отказалась позвать дочь. *«Если бы ты был с честными намерениями, - сказала она, - ты бы мне сказал, зачем звонишь».*

Я был способным ребенком, даже писал «датские» стихи, то есть научился рифмовать лозунги к революционным датам. Я очень много читал, даже на уроках, сквозь щель крышки парты, держа книгу на коленях. При этом я умудрялся одним ухом слушать учителя. Память была хорошая и позволяла мне учиться на 3-4-5, не делая домашних работ, что высвобождало еще много времени для чтения.

Много лет после детства я по кускам выламывал из себя обломки его пороков: местечковый еврейский акцент и зависимость, страх перед незнакомыми людьми, неумение есть, одеваться и разговаривать в обществе, тупую покорность члена очереди, смущение и робость перед женским полом, непререкаемое признание власти любых, даже самых мелких чиновников. Все это совсем не похоже на твое детство, которое тебе не кажется счастливым, разве что по сравнению с моим. Единственная мораль из всего этого воспоминания состоит в том, что перекройка характера оказалось осуществимой. К счастью, все люди время от времени пересматривают свои убеждения, например, я в первые 40 лет жизни через каждые 5-6 лет. *«И я сжег все, чему поклонялся, и поклонился тому, что сжигал».* Это зависит от людей, которые будут близки на каждом этапе жизненного пути, особенно женщин и учителей.

Я стал интеллигентом в первом поколении, и мне кажется, тебе должно быть проще избавляться от комплексов, которые тащатся за тобой из страны веселых добрых крокодилов.

И твое детство не было безоблачным. Но все же тебе повезло больше. На твое 13-летие (бармицву в Израиле) я написал две пародии на твои любимые песни (Валерия Милаева и Юрия Визбора), которые мы пели на турбазах.

Вот идет по свету человек-чудак

*Под названием Дима Светов.
В голове его какой-нибудь пустяк,
Он компьютер мучит просто так.*

Припев: *Проходит время,
Дима Светов подрастает,
День рождения наступает:
Тринадцать лет!
Приходит время,
Стол роскошный накрывают.
И этот праздник
Называется банкет.
Сколько Диму в школе, дома ни учи,
У него с учебой перебои.
Сколько ему книжек ни давай: прочти!
Не помогут лучшие врачи.*

Припев

Димкина Бармицва

*Всем нашим детям бармицвы, увы, суждены.
Детство промчалось ручьем на исходе весны.
Было забот – телевизор, прогулки, игра.
Вот и окончилось. Все. Заниматься пора.*

Припев: *Солнышко мое,
Мало детство длится.
Вот и настает,
Димка, день бармицвы.
Солнышко мое, так или иначе,
Пусть к тебе придет
Счастье и удача.
Крылья сложили палатка – из жизни другой.
Новые страны откроются перед тобой.
Где б ни пришлось тебе дальше учиться и жить,
Все же, действительно, надо английский учить.*

Припев.

*Не забывай, тебе разные книжки нужны,
Их не заменят ни видик, ни детские сны,
И потихонечку мир приоткроет тебе
Тайну победы в нелегкой с судьбою борьбе.*

Припев.